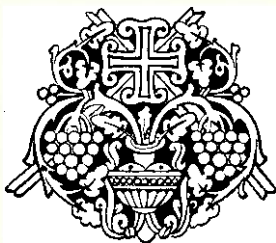

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE BIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

Редактор: И. В. Морозов.

Редакционная коллегия: К. А. Ельчанинов, Н. А. Струве (Франция);
прот. Александр Шмеман, М. Р. Гизетти, О. Раевская (Америка).

СОДЕРЖАНИЕ

1. От Редакции. Пора одуматься	1
2. Благодатный воспитатель русского народного духа — В. О. Ключевский	2
3. Пути Православия. II. Православие и свобода — С. Вер- ховской	4
4. Из истории русского просвещения. Казанский универси- тет (1804-1954) — В. Л. Иванов	11
5. Ис тин полин — Л. А. Зандер	17
6. Поездка в Индию — Н. М. Зернов	23
7. Библиография. D. A. Lowrie: Saint Sergius in Paris — Л. А. Зандер. Н. Федорова: «Семья» — К. М.	29
8. Хроника. Съезд Р.С.Х.Д. в Сан-Франциско — М. Г. Кон- чина John Forrester-Paton. Летний лагерь Р.С.Х.Д. во Франции — Н. Терентьева	31

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ВЕСТНИК. (6 номеров в год).

Во Франции: подписная плата на год — 500 фр. Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15e. С.С.Р., Paris 2441-04.

В Америке: Mrs. T. Lukkanen. 225 West, 99th Street, New-York 25, N.-Y. U.S.A.

San-Francisco: Miss Olga Raevsky. 408 North Street, Oakland 9, Calif. U.S.A.

Подписная плата на год — 2 доллара.

Адрес редакции:

Monsieur J. Morosov, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15^e (France).

Издание Русского Студенческого Христианского Движения
Библиотека — 401 за Рубежом.
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
Н. РАДИЩЕВСКАЯ Д. 2
инв. 594

ОТ РЕДАКЦИИ

ПОРА ОДУМАТЬСЯ

Над всем миром давно нависли мрачные тучи, — и все темнее, все печальнее наша жизнь. В мире всюду стало жутко и неспокойно... Правда, сейчас нет близкой опасности войны, разнообразные конференции тем только и заняты, чтобы устранять или сглаживать конфликты между народами. Дипломатическая активность, кажется, никогда не достигала такого напряжения, как в наше время, — и надо признать, что многие конфликты в самом деле удаются если не устранить, то ослабить. Всюду говорят о мире, да и в самом деле как будто стремятся к нему...

И все же — несмотря на все это — беспокойство в мире не только не стихает, а наоборот все растет. Все яснее становится, что под ногами нет твердой почвы, что все в мире заколебалось. Все чувствуют, что над миром нависли мрачные тучи, что в мире все меньше света. Отчего? Где причина этого?

Всякий человек, который способен вдумываться в то, что сейчас происходит, знает, откуда и отчего такой мрак в мире, — знает, ибо всем видно **небывалое торжество в мире аморализма**. Все ныне позволено — и ложь и предательство, террор и убийства, похищение людей среди бела дня... Человечность в людских отношениях ослабела, добро в людях так часто уступает теперь перед натиском лжи и злобы.

Это торжество аморализма и в личных и в общественных отношениях не есть случайный эпизод в жизни современного мира, но глубоко связано с более страшным **духовным одичанием**, — оно есть **неизбежный результат отхода современного мира от Христа**. Внерелигиозная («автономная») мораль, которой так вдохновлялись атеистические мыслители в XIX в., не только не удалась, но просто развеялась как призрак, — и то духовное одичание, которое накоплялось веками, обнажилось ныне во всей своей ужасающей силе.

Мы знаем, что еще есть много в мире подлинных христиан, возлагающих все свое упование на Господа. Но тем мрачнее встает перед нами картина современного мира, отошедшего от Христа и строящего жизнь не по Его заветам. Пока не поздно, надо одуматься, пока не поздно, миру должно осознать свое духовное оскудение и обратиться к Тому, у Кого «глаголы вечной жизни»...

БЛАГОДАТНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ РУССКОГО НАРОДНОГО ДУХА

Выдержки из речи, произнесенной в торжественном собрании Московской Духовной Академии 26 сентября 1892 г. в память Преподобного Сергия (1314-1392) профессором академиком В. О. Ключевским.

Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу.

Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически-известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя Преподобного Сергия: это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного содержания.

Память святого пустынножителя доселе царит в народном сознании, как гроб с его нетлеющими останками неврединно стоит на поверхности земли. Чем дорога народу эта память, что она говорит ему, его уму и сердцу? Современным, засохшим в абстракциях и схемах, языком трудно изобразить живые, глубоко сокрытые движения верующей народной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и светлое впечатление, произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не знаешь и что рассказать, как не находишь слов для пере-

дачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого взгляда. Виновник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив скудные остатки в монастырской ризнице да источник, изведенный его молитвою, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения — вот в чем состояло это впечатление. Примером своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна. Так думали тогда все на Руси и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказу Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: како может в сих странах таков светильник явитися? Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смерти, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня — такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник — вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни. Впечатление людей XIV в. становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так духовное влияние Преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и во-

шло в состав духовного богатства народа. Это имя сохранило силу непосредственного личного впечатления, какое производил Преподобный на современников; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнеть историческое воспоминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух, настроение. Так теплота ощущается долго после того как погаснет ее источник. Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок. При имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверждает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады Преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятниками срастается нравственное чувство народа; они — его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них — оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей — только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его.

Профессор Академик В. О. Ключевский.

ПУТИ ПРАВОСЛАВИЯ *)

II. Православие и свобода

1) Вопрос о Православии и свободе ставится уже почти полторы тысячи лет. Он ставится не только в Православной Церкви, но и у инославных в связи с их верой в свое «православие». С 18-го века этот вопрос стал особенно острым, поскольку утвержде-

*) См. Вестник № 30 1953 г., первая часть статьи «Православие, как Истина».

ние свободы стало одной из главных задач человечества. Тема о свободе в Церкви не может не занимать и современное православное общество: Православие гонимо извне; православное общество во многих странах внутренне разделено. Насколько и как мы должны быть терпимы к нашим православным противникам? Мы живем среди атеистов, инославных или язычников; как мы должны относиться к ним?

2) Мне кажется возможным пять разных ответов на поставленный нами вопрос.

Первый, очень популярный среди так называемых демократических и прогрессивных кругов, призывает к совершенной свободе мнений: каждый имеет право думать, что хочет; если даже истина едина, никто не может притязать на ее совершенное знание; следовательно, многообразие убеждений естественно и законно. Всякое притязание на знание истины или «православность», в каком бы то ни было смысле, объявляется фанатизмом, опасной нетерпимостью, узким догматизмом и т. д.

Несомненное преимущество такого взгляда в том, что при полной свободе мнений истина не может быть гонима и что сторонники истины приучаются защищать ее по существу. Однако, истина может быть гонима и презираема и в самом свободном обществе: не только по невежеству, но и более или менее сознательно — за то, что она «отстала», «ненаучна» или исключительна. В наше время постоянно устраняется или искажается христианство именно потому, что оно «устарело и ненаучно». Исключительность христианства, исповедующего себя единой истиной, раздражает многих. Сами христиане боятся обвинения в нетерпимости и готовы на всевозможные уступки. Вместе с тем «прогрессивная наука» часто бывает фанатична, как самая фанатическая религия, лицемерно прикрываясь проповедью терпимости. Молчаливо делается допущение, что наука, как объективное знание, имеет полное право преследовать всякий «ненаучный мрак невежества», включая в него религию, философию, духовные течения и т. д.

Главная язва разбираемой точки зрения — сознательное насаждение релятивизма и открытие дороги всякой лжи. Релятивизм по существу есть ложь, ибо если нет единой истины, то истины вообще нет; если все правы, даже прямо противореча друг другу, то все заблуждаются... Истина одна: это есть первое положение, которое должно быть принято всеми. Второе положение: познание истины возможно; она открыта в христианстве, она постепенно открывается в науке, несмотря на все ее блуждания. Наука часто ошибается, она необходимо ограничена, но посколь-

ку она обоснована опытом и чистым умозрением, она справедлива, хотя бы отчасти.

Релятивизм глубоко развращает людей. Надо понять это. Последовательный релятивизм приводит или к индивидуализму, или к обесцениванию жизни, или к открытому злу... Если нет объективной истины, каждый имеет право создать свою истину. Любое безумие возможно под видом «своей истины». Отсюда рождается тирания современных идеологий и невозможность соединить людей ни в какой правде.

От личного и партийного партикуляризма гибнут сейчас в развале целые народы... Жизнь обесценивается релятивизмом, потому что, если все относительно, то ценность всего тоже относительна. Не все ли равно, что выбрать в жизни? Не проще ли всего выбрать житейски необходимое или дающее непосредственное наслаждение? При релятивизме некультурные народы стараются приобрести лишь поверхностную цивилизацию с ее внешней техникой и легкими удовольствиями; старые культуры разлагаются, отбрасывая все самое ценное и высокое, что в них было; произвол оригинальничания убивает постепенно все.

Под прикрытием релятивизма возможна любая ложь и зло. Релятивизм отвергает ясные и твердые критерии истины и добра; к тому же, если свободу понимать беспредельно, то кто может запретить исповедовать ложь или делать зло? Современность прямо учит нас, что в демократиях, под предлогом допустимости всех мнений, народы отравляются самыми зловредными идеями и в конце концов попадают в лапы крайних идеологий.

3. Вторая точка зрения на соотношение истины и свободы заключается в том, что существенно единство в главном; во всем второстепенном возможна полная свобода мнений, хотя бы и взаимоисключающих. В таком суждении как будто проявляется бесспорная житейская мудрость. Практически, в нашем падшем мире, ее держатся все, кроме фанатиков. Однако принципиально ее принять нельзя. Деление на «главное» и «второстепенное» — неосновательно и искусственно. Ни сущее, ни жизнь неделимы. Если ап. Иаков говорит, что нарушивший одну заповедь, нарушил весь закон, то и, вообще, любая ошибка и любое зло необходимо отражается более или менее на всем, и то, что в данных обстоятельствах сравнительно неважно, в других может стать важным. Справедливо говорить о простительности ошибок во второстепенном, о сравнительной легкости их исправления и т. п., но в идеале все важно и во всем есть одна правда, хотя бы и сложная. Если мы сознательно и принципиально откроем двери праву на противоречие, мы толкнем себя и других на путь релятивизма.

4. Третья точка зрения отстаивает одновременно всецелое

единство истины и полную свободу ее усвоения. Эта точка зрения единственно верная: истина одна и жить в ней можно только свободно; рабское следование истине не есть жизнь в истине. Все подлинно-духовное существенно и необходимо свободно. Для каждого христианина в высшей степени важно понять, что проповедь истины должна быть обращена к свободному сознанию и что самая истинная проповедь всегда может быть отвергнута чужой свободой. Даже чисто логическое усвоение какой-либо идеи требует свободного акта внимания и осмысления; тем более жизненное приятие всякой истины явно невозможно без свободного сочувствия ей. Отсюда никак не следует, что всякий свободный акт хорош; напротив, свобода накладывает огромную ответственность. И зло свободно, а последствия его всегда страшны, как для отдельного человека, так и для целого общества. Поэтому, провозглашая свободу необходимым качеством духовной жизни, надо отдавать себе отчет, что свобода может вести и к добру и ко злу.

Христианство хочет всех свободно соединить в истине. Если бы насильственное привлечение к правде было возможно и желательно, Христос в Его божественном всемогуществе всех бы сразу соединил в Церкви. Насилием можно ввести людей в Церковь, как земную организацию, но нельзя их сделать подлинными членами тела Христова. Насилием можно защитить Церковь от насилия, но нельзя положительно утвердить ее в истине.

Христианство не только призывает к свободному соединению в истине, но и верит, что сама истина соединяет собой людей, свободно покоряя их себе. Было бы неправильно недооценивать духовной силы истины. Только невежи, скептики и изолгавшиеся люди не видят силы истины. Мы имеем основание верить в мощь Православия уже по одному тому, что оно есть явление истины.

5. Четвертая точка зрения, признавая справедливость предыдущей, вносит в нее существенное практическое ограничение. Мы можем не оспаривать, что истина обращена к свободному сознанию человека, но вместе с тем сомневаться, что все люди обладают достаточно развитой свободой и сознанием. Множество людей неспособно разобраться в идеях, которые им внушаются. Если эта неспособность проистекает от нежелания ознакомиться с вопросом, обдумать его и приобрести нужные знания, то вся вина падает на лень и сознательное невежество такого человека. Дело Церкви побудить таких людей задуматься, прочесть соответствующие книги и т. д. Но может быть такое положение, в котором человек лишь с величайшим трудом и слишком медленно может высвободиться из пут лжеучений. Дети и совсем необразованные люди (в особенности неграмотные) подходят под указанный случай. Не только дети, но и юноши и все учащиеся неизбежно

склонны принимать на веру то, что им преподается. Нельзя, чтобы родители или учителя не внушали никакого доверия, чтобы им не верили. С другой стороны, не во власти детей выбор родителей или школ; следовательно убеждения родителей и учителей почти по необходимости передаются детям и учащимся. То же надо повторить о людях, которые по своей необразованности и при желании не могут разобраться в каком-нибудь учении; они неизбежно примут господствующее или умело проповедуемое мнение.

Справедливо ли подвергать людей возможности обмана, в котором они неспособны увидеть обман?.. Родители даются Богом и природой. Поэтому с их дурным влиянием возможно бороться только общими мерами борьбы против заблуждений. Отбирать детей у родителей позволительно только по уголовному суду, а не потому, что у них ложные убеждения. Если последнюю причину признать достаточной для отобрания детей, мы придем к вопиющему нарушению самых священных богоустановленных прав человека. Семья есть нерасторжимое целое, учрежденное самим Богом; общество имеет право брать под свое покровительство детей только когда сами родители злостно разрушают семью. Естественно и законно осуждать родителей за их скверные убеждения и стараться внушать и им и их детям положительные идеи, но, повторяем, нельзя разрушать семью только из-за ложных взглядов родителей. Если христианские государства прибегали к отбиранию детей у евреев или еретиков, то мы не можем не осудить эту практику: она нехристианского происхождения и духа.

Совсем иной смысл имеет вопрос о насаждении идеи через школы, которые учреждаются государством, обществами или частными лицами. Прямой долг каждого гражданина добиваться, чтобы в государственных школах детей и юношей не обучали ничему ложному и не приучали ни к какому злу. Программа образования и воспитания в школах должны быть или прямо христианскими или, по меньшей мере, Церкви должна быть предоставлена возможность религиозного преподавания и внешкольной работы. Но если даже государственные школы должны иметь определенную форму преподавания и воспитания, то справедливо ли что-либо навязывать частным школам? Да и не нарушает ли профессиональную свободу всякая попытка регулировать деятельность педагогов? Не имеют ли они права следовать в преподавании своим убеждениям?

Профессиональная свобода не может заключаться в праве насаждения зла, против которого, подчеркиваем это еще раз со всей силой, дети беззащитны. Церковь, очевидно, должна бороться за то, чтобы школы были проводниками истины и добра, а не лжи и зла. Но государство в свою очередь не может терпеть зла,

поскольку оно нарушает справедливость и явно может разрушить все общество. Справедливо ли оставлять детей на произвол педагогов? Не есть ли отравление подрастающего поколения ложными идеями — вернейший способ развалить общество и государство? Поэтому целый ряд идей не может быть насаждаем в школах и с точки зрения здоровой государственности, как например, атеизм, материализм, анархизм, классовая, национальная и расовая ненависть, неуважение к другим людям и их жизни, разврат и т. д. Все эти ложные идеи разрушают и каждого человека и целые общества.

Более сложен вопрос о защите от пропаганды ложных мнений взрослых. Свобода слова и печати драгоценна. Истина должна уметь защитить самую себя, а не рассчитывать на внешнюю охрану. Свободное столкновение мнений может только укрепить правду. Однако, заведомая ложь, клевета, сообщение очевидно неверных сведений не могут не запрещаться обществом; главным же вопросом остается вопрос о сопротивляемости ложной пропаганде неграмотной массы. Грамотность дает все же возможность прочесть другую газету или книгу, узнать противоположную точку зрения, прочесть критику или опровержение ложного. Неграмотный лишен этой возможности. Поэтому не надо удивляться, что в средние века, при почти всеобщей безграмотности, Церковь охотно принимала внешнюю защиту властей против ересей и всяких заблуждений. Но путь этот опасен; ограничение свободы слова и печати может быть лишь крайней мерой против злостной пропаганды.

Церковь по существу не должна была бы к ней прибегать; государство может ею пользоваться, поскольку оно по совести убеждено, что население не в силах само сопротивляться лжи; но при достаточно высоком общем уровне образования и в нормальных условиях жизни, когда нет ни войн, ни революций, желательна полная свобода мнений, за исключением распространения заведомой лжи и клеветы и использования подкупа и насилия для распространения своих мнений. Последнее условие очень важно: свобода мысли не должна быть только свободой интеллектуального отравления беззащитных, но и свободой подчинить других своему насилию. Поэтому государство не должно, например, терпеть существование политических организаций, которые стремятся насаждать ложные идеи путем насилия или захвата государственной власти.

Таким образом, мне кажется, некоторое ограничение свободы распространения идей законно и желательно, хотя бы только в определенных случаях и условиях. Каждый, несомненно, имеет право думать, что он считает справедливым, принимая все возмож-

ные последствия своих убеждений, но абсолютной свободе распространения своих убеждений должна была бы в принципе соответствовать полная возможность для всех свободно и сознательно проверить любые идеи. Если ее нет, ограничение свободы высказывания становится в некоторых случаях желательным. И каждый из нас по внутреннему чувству такта и меры знает, что не обо всем, не всем и не всегда можно говорить.

Спор об истине ради выяснения истины может быть и плодотворен и нравственно чист. Но надо, чтобы спорящие любили истину и не вводили в свой спор ни обмана, ни ненависти, ни угроз, ни какого-либо шантажа и демагогии. Лицемерно соглашаться хуже чем спорить. Католики, например, часто неискренно или полу-искренно настаивают на том, что их учение не отличается от православного, только для того, чтобы легче обратить православных в католичество. Спор должен быть честен. Преступно выдумывать разногласия, преступно и скрывать их.

С глубочайшей грустью надо признать, что и члены Церкви и богословы не всегда любят истину. Симпатии и антипатии ставятся выше истины. Любой спор, любая попытка выяснить истинность какого-либо мнения принимается как личный выпад, как выражение партийности и пристрастности. И среди православных много релятивистов или фанатиков. Православные должны иметь свободу защищать истину и критиковать то, что им кажется ложным. Защищать истину есть и долг и право, лишь бы защита была по существу и без ненависти к инакомыслящим. Любить Православие значит положить жизнь на его познание, а это значит все спорное судить только им, а не клясться именами сомнительных авторитетов современности. Дело, конечно, не в современности, как таковой, но в том, что образованное русское церковное общество привыкло часто понимать Православие сквозь русскую религиозную мысль (если не с помощью инославной науки). Настало время критически пересмотреть прошлое русской религиозной мысли; многое в ней неправославно. Книжный критерий Православия прежде всего в Писании, Соборах и Патристике. По существу же Православие есть сама живая истина.

6. Последняя из возможных точек зрения на соотношение Православия и свободы есть утверждение, что истина может быть и должна быть насаждаема силой. Если понять это положение буквально, то оно просто абсурдно, т. к. мысль не есть материальная вещь, чтобы ее можно было насильно вставить в голову, и разум может познавать, а не воспринимать вбиваемое в него. Насилие может быть употреблено только для изоляции человека от всех сторонних влияний или для внушения ему такого страха, чтобы он предпочел учить и повторять что угодно, лишь бы не

быть преследуемым. Мы уже говорили, что внешнее ограничение от вредных влияний может быть иногда целесообразно. Но запугивание, чтобы заставить усвоить не только какую-нибудь идеологию, но даже саму истину недопустимо и противоестественно. Можно придумать немало оправданий применению насилия для распространения идей: например, то, что усвоенное из страха может быть, тем не менее, полезно и позже искренно принято; воспринятое с насилием одним поколением может стать естественным для следующего поколения и т. п. Но христианство с такой же силой отвергает насилие для распространения истины, с какой убеждено, что обладает единой истиной. Можно считать естественным, что церковные массы, недостигшие высшего уровня духовности используют насилие для защиты против чужого насилия (напр., защита христиан против магометан или против безбожников). Но насилие, как и всякое ограничение свободы, может быть лишь крайней мерой. Еще и еще раз повторим, что истина духовна и все духовное по природе свободно, если только не превратилось в одержимость.

С. Верховской.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Казанский университет (1804-1954)

5/18 ноября исполняется 150 лет со дня основания старейшего (после Московского) русского университета.

Появление его на свет произошло в начале царствования Императора Александра I. Это была замечательная эпоха в истории русского просвещения: в 1802 году было учреждено Министерство Народного Просвещения, в том же году был открыт Дерптский (Юрьевский) университет, в 1805 г. — Харьковский университет, преобразованы университеты Московский и Виленский (старейший в Империи), в 1819 г. открыт Петербургский университет; за время с 1802 по 1819 гг. были открыты Институт Инженеров Путей Сообщения в Петербурге, Лицеи Царскосельский и Ришельевский (в Одессе) и Высшие Училища: Лемидовское (в Ярославле) и князя Безбородка (в Нежине). Аналогичная эпоха была в царствование Императора Николая II, когда с 1900 по 1917 гг. было открыто три университета и 11 высших специальных учебных заведений.

Географические условия придали учрежденному в Казани университету особый (по сравнению с другими) характер.

Казань являлась самым восточным, в культурном отношении,

пунктом (правительство и общество считали тогда Казань границей Европы и Азии), окруженным русским, татарским, финским, тюркским и монгольским населением. Русским приходилось переселяться из внутренних областей в места беспокойные и небезопасные, с чуждым населением по вере и по языку, с суровым климатом. Эти обстоятельства требовали от переселявшихся смелости, предприимчивости и организаторских способностей; — и с самого начала существования там русского населения оно постоянно выставляло выдающихся деятелей в различных областях жизни. Это отразилось и на университете, который в большинстве своем комплектовался из местных уроженцев.

В основу организации высшего образования была положена комбинация французской и немецкой систем. Сам университет был скопирован с немецких университетов с советом профессоров как органом ученой и учебной жизни, с выборным ректором и деканами; но в отличие от немецких собраний ему были подчинены средние и низшие учебные заведения в прилежащих к нему областях, которые составляли учебный округ. Окружная система была заимствована из Франции, где ректор университета является одновременно ректором академии, т. е. начальником округа, с той разницей, что во главе округа был поставлен особый начальник с титулом попечителя, которому был подчинен и университет. В состав Казанского учебного округа входили: все Поволжье от Нижнего Новгорода до Астрахани, Прикамье и Приуралье (Вятская, Пермская и Оренбургская губернии), весь Кавказ и вся Сибирь, а на западе — Пензенская и Тамбовская губернии.

На университет возлагалось следующее: подготовка преподавателей для училищ и школ, управление ими и цензура учебников и книг. При размерах округа (тогда из Казани в Иркутск надо было ехать несколько месяцев) такое управление часто носило характер номинальный и отвлекало профессуру от ее прямых обязанностей. Впоследствии это было изменено и округа стали учреждаться независимо от университетов, которые освободились от административных обязанностей, вредивших их научной деятельности. Окружные управления были созданы ранее университетов и потому попечители явились творцами университетов в своих округах.

Казанским попечителем был назначен Степан Яковлевич Румовский (1734-1812) один из первых русских академиков, ученик М. В. Ломоносова и знаменитого математика Л. Эйлера.

Обеспечить вновь открываемые университеты своими собственными учеными силами (в таком большом количестве) Россия тогда не могла и поэтому пришлось их искать за границей. От вы-

бора попечителя зависел научный и нравственный уровень будущего рассадника наук и просвещения. С. Я. Румовский будучи по специальности астрономом и математиком обладал наибольшей компетенцией в области физико-математических наук, и Казанский университет обязан ему приглашением выдающихся специалистов по этой части, поставивших сразу на высокий уровень изучение этих наук.

12 февраля 1805 г. начались занятия в университете в следующем составе: 33 студента, «произведенные» из гимназистов Казанской гимназии, и 6 профессоров, один иностранец Цепелин (Zäpelihn), а остальные учителя гимназии (из них один иностранец — Эрих), произведенные в профессора и адъюнкты. Университет не располагал ни собственным помещением, ни учебными пособиями, ни даже научным персоналом, ибо последний на 5/6 состоял из преподавателей гимназии. Отсутствие разделения на факультеты ставило его в положение дополнительных классов гимназии. Некоторые из студентов продолжали посещать гимназические классы*). Не было ни совета профессоров, ни ректора, ни деканов. Университет был соединен с гимназией административно. Высшим органом являлся педагогический совет из гимназических и университетских преподавателей под председательством директора гимназии И. Ф. Яковкина, назначенного профессором русской истории. В таком виде университет пробыл до июля 1814 г., когда состоялось его окончательное открытие в составе 4-х факультетов и были произведены выборы ректора и деканов.

По принятым тогда правилам, попечитель не проживал в своем округе, а находился в Петербурге. Это было сделано с той целью, чтобы попечитель, находясь вдали, был более беспристрастным в своих действиях, не поддаваясь влиянию своих подчиненных. Жизнь вскоре опровергла это теоретическое измышление, ибо вместо непосредственного знакомства с делом, он должен был довольствоваться письменными донесениями и доверять своим корреспондентам, а среди таких оказалось наиболее доверенное лицо в образе директора Казанской гимназии и фактического ректора университета. И. Ф. Яковкин, автор почтенных, для своего времени учебников, не был ученым и профессором в прямом смысле слова. Он смотрел на себя не как на первого между равными, как принято в ученых коллегиях, а как на начальника. Несогласие с собой он рассматривал как неподчинение начальству и, поль-

*) С. Т. Аксаков. Семейная хроника и воспоминания. Я особенно рекомендую молодым читателям «Вестника» прочесть эту книгу, а также «Детские годы Багрова внука». В них изображены природа, быт, культурный уровень и умственные интересы тогдашнего общества.

зуюсь полным доверием попечителя, самовластно распоряжался, не останавливаясь перед увольнением неугодных ему лиц.

Первое десятилетие университетской жизни богато различными инцидентами, столкновениями и кляузными, из которых И. Ф. Яковкин постоянно выходил победителем.

За это время главное внимание профессуры направлялось на преподавание, в котором преобладали лекции, ибо для практических работ и для научных исследований не было соответствующих учреждений. Несмотря на это, в некоторых областях была достигнута солидная подготовка учащихся. Так, адъюнкт чистой математики Г. И. Карташевский (воспитатель знаменитого писателя С. Т. Аксакова) настолько высоко поставил преподавание математики, что прибывший из Германии проф. Бартельс (ученый с большой известностью) был удивлен, найдя в Казани так хорошо подготовленных слушателей, которым он смог сразу начать излагать трудные отделы высшей математики.

В 1814 г. преподавательский состав достиг 23 человек и было произведено разделение университета на факультеты: нравственно-политических наук, физико-математических, врачебных и словесных. Ректором был избран проф. О. И. Браун, а деканами: проф. Финде, Бартельс, Эрдман и Герман. Окончательное открытие университета прекратило его связь с гимназией вместе с единоличным правлением И. Ф. Яковкина.

Университет получил собственное здание, средства и приступил к организации библиотеки, лабораторий, музеев и прочих учреждений и пополнился выдающимися учеными, как математик Бартельс, астроном Литров, востоковед Френ, натуралист Фукс; первые три приобрели впоследствии мировую известность. Преподавание математики стало на один уровень с лучшими германскими университетами и положило начало традиционной Казанской математической школе.

Возрастал также и состав студентов, в числе которых был прославивший впоследствии университет и русскую науку Н. И. Лобачевский. Устав 1814 г. полностью вошел в силу и способствовал развитию университета, перед которым открывалось многообещающее будущее. Но в 1819 г. ему был нанесен тяжелый удар назначением попечителем М. Л. Магницкого.

К началу 20-х годов взгляды правительства на значение высшего образования изменились под влиянием революционного брожения в Зап. Европе. Развитие тайных обществ, политические убийства и как следствие их принятые германскими государствами стеснительные меры в отношении университетов с одной стороны, а с другой — эволюция взглядов имп. Александра I-го от вольномыслия к увлечению библейским обществом, а позже к мисти-

цизму, привели правительственные круги к переоценке взглядов на высшее образование.

Прежнее стремление к увеличению числа высших учебных заведений*), сменилось стремлением уменьшить число уже существующих. Преподаваемые в университетах философия и естественное право стали рассматриваться, как науки антирелигиозные и стремящиеся разрушить существующий социальный и политический строй. Ревизия, порученная М. Л. Магницкому должна была выяснить степень проникновения и влияния этих наук на преподавательские и студенческие круги. М. Л. Магницкий (потомок знаменитого автора «Арифметики», которого высоко ценил М. В. Ломоносов), начал свою карьеру по дипломатическому ведомству, и в качестве секретаря русского посольства в Париже, обратил на себя внимание Наполеона (в то время Первого Консула), напрогносившего ему блестящую будущность.

Сотрудник и правая рука М. М. Сперанского, он разделил участь своего принцепала и вместе с ним (во время падения последнего) был сослан в г. Вологду в 1812 г. Назначенный через несколько лет (одновременно с Сперанским**) Симбирским губернатором, он проявил недюжинные административные способности. Честолюбивый и желавший добиться высокого положения, почестей и богатства, он мало интересовался родом деятельности, за исключением той, которая обещала ему эти возможности. Настроение правительственных кругов и личные взгляды Имп. Александра I открыли ему эти возможности. Ревизию произведенную им в Казанском университете, он резюмировал в следующих словах — «Публично разрушить университет», на что Имп. Александр I положил резолюцию — «зачем разрушать, можно исправить». В основу всех преподаваемых наук были положены религиозные принципы. К чему на практике приводили эти положения, можно видеть из речи профессора математики Никольского, который говорил, что «математика не содействует развитию вольнодумства, подтверждая высочайшие истины веры: без единицы нет числа, так и мир не может быть без единого Творца; гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть не что иное, как символическое соединение земного с Божественным». Эти поверхностные аналогии не свидетельствовали о глубоком религиозном чувстве и носили формальный характер. Во всех мероприятиях Магницкого виден их рационалистический фундамент, исходя из которого, он, путем риторики и мелочной регламентации, старается восполнить отсутствующее у него религиозное чувство.

*) Предполагалось открыть 2 новых университета: в г. Устюге Великом — для Севера России и в г. Тобольске для Сибири.

***) Сперанский был назначен Саратовским губернатором.

Магницкий начал свою деятельность с увольнения 9 профессоров, чем поставил университет в затруднительное положение. Режим, введенный им, открывал бездарностям возможность, благодаря угодничеству, достигать профессорских званий и привел к показному благочестию, которое выродилось в ханжество.

Но, борясь с вольнодумством, Магницкий, в то же время поощрял и способствовал развитию библиотеки, обсерватории и лабораторий. Магницкий взял под свое покровительство знаменитого Н. И. Лобачевского и талантливого астронома И. М. Симонова и очень способствовал устройству Казанской астрономической обсерватории. Он не был врагом просвещения в принципе и если это не мешало его карьерным целям, то он старался поддерживать просветительные начинания; так он выступил с проектом открытия в г. Барнауле (Зап. Сибирь) высшего училища в качестве филиала Казанского университета, в составе отделений: педагогического, восточного, коммерческого и административного, опередив в этом отношении свое время на сто лет. Магницкий предписал Казанскому университету заняться обследованием армянских монастырей, ожидая найти в них переводы на армянский язык древне-греческих философов. Догадка его подтвердилась только сто лет спустя, когда в начале 1930 годов в Эчмиадзинском монастыре был найден перевод сочинений знаменитого Зенона Элейского с новыми вариантами. Он учредил кафедру византийского права, противопоставляя его римскому праву. Для того времени наука не располагала материалом и методом для такого противопоставления, но теперь надо признать, что Магницкий был в значительной степени прав, ибо творчество Византии сказалось в создании церковного права, которое имеет корнями Священное Предание и римское право. Классический труд немецкого ученого фон-Лилиенталя и труды русского ученого Бенешевича в области византийского и канонического права подтверждают точку зрения Магницкого на самостоятельность этой дисциплины.

Со времени кончины Императора Александра I, режим Магницкого начал приобретать личный характер, и со смертью Императора Александра I его господству пришел конец. Со вступлением на престол императора Николая I была назначена ревизия Казанского университета, порученная жившему тогда в Казани генералу Желтухину. Ревизия обнаружила нарушение законов университетского устава и многократное превышение власти. М. Л. Магницкий был уволен и университет вступил в новый период своего существования.

В. Л. Иванов.

(Продолжение следует)

В июне 1954 г. делегация Православного Богословского Института в составе его Ректора Епископа Кассиана, проф. А. В. Карташева и Л. А. Зандера и студентов Г. Р. Вагнера и Ю. Б. Сидоренко посетила, по приглашению Вселенского Патриарха, Богословскую Школу на острове Халки. Делегация пробыла там около трех недель, познакомилась со строем Школы, посетила достопримечательности Константинополя. Нижеследующая статья посвящена впечатлениям этой поездки.

ИС ТИН ПОЛИН*)

В 4.30 подходим в Царьграду. Сквозь перламутровую дымку, характерную для этих мест, начинает вырисовываться полоска берега с куполами Св. Софии, Св. Ирины, мечети Султана Ахмета...

Антон Владимирович Карташев рассказывает о том, как в 1378 году архимандрит Михаил, посланный в Константинополь Великим Князем Димитрием Ивановичем Донским для поставления в русские митрополиты, умер от разрыва сердца, увидев Св. Софию: так сильно было впечатление, произведенное этим храмом Вселенского Православия.

Теперь это впечатление ослабляется видом других мечетей, которые издали напоминают Св. Софию: те же грандиозные размеры, те же плоские купола и, увы, те же минареты. Нужно некоторое напряжение и знание деталей, чтобы узнать Св. Софию; впоследствии я сразу узнавал ее по множеству продолговатых окон под куполами и по грандиозным контр-форсам, подпирающим ее громаду с востока и с запада...

Огибаем мыс Серая: когда-то он был весь застроен императорскими дворцами, потом на нем красовались султанские сады и «киоски»; теперь на его зеленых аллеях и лужайках стоят карусели, лавочки и кофейни. Но со стороны Мраморного моря сохранились величественные стены и башни, омываемые непосредственно голубыми волнами Пропонтиды: весь город ведь был окружен стеной, построенной Императором Феодосием II; лучше всего она сохранилась со стороны континента; со стороны моря это только величественные развалины, прорезанные железной дорогой, складами и фабриками. На самом углу мыса бронзовый памятник Кемалю Ататюрку, который с моря едва заметен...

*) Византийцы не называли столицы империи по имени. Византия была просто «Город» — город городов, Царь-град. Ехать «в город» — «ис тин полин» — значило ехать в Константинов град. Подобно этому и Римский папа дает благословение *urbi* («городу») *et orbi* («и вселенной») и Карл V подписывал свои письма: «Я, Император». От словосочетания *ис тин полин* образовалось в народном произношении вплоть до наших дней «истимбол», в турецком говоре «Истанбул».

Входим в Золотой Рог и пристаем к правому берегу. Это Галата — бывший город генуэзцев; он и напоминает Геную, а на вершине застроенной сплошными крышами горы красуется большая круглая старинная башня, которая противостоит Св. Софии и мечетям другого берега (Стамбула), как Запад Востоку. Так это было и во времена Византии; только тогда не было мечетей, мостов через Золотой Рог и каменных домов... Пароход встречает большая толпа, но так как на берег никого не пускают из-за таможенных формальностей, то для встречающих и провожающих имеется на высоте второго этажа таможни большой балкон, на котором они и стоят густой толпой и приветствуют пароход платками, шапками, малопонятными жестами и громкими криками, сливающимися в неопределенный гул. Мы различаем в толпе нашего старого друга Василия Анагностопулоса, архимандрита Максима Репанеллиса и помощника протосингела. Последние — в штатском. Духовенство в Турции не имеет права носить рясы. Исключение сделано только для Патриарха. Но Митрополиты обыкновенно ходят с высокими иерейскими тростями. Час проходит в ожидании (на пристани почетный караул встречает турецкого генерала), в суете, в формальностях. Наконец мы на берегу. В двух автомобилях нас везут в Патриархию. Машины глубоко ныряют по совершенно невообразимой мостовой Галаты, пересекают по великолепному мосту Ататюрка Золотой Рог, снова погружаются в лабиринт узких улиц Фанара (часть города на левом берегу Золотого Рога), обгоняют навьюченных ослов, с трудом разъезжаются с медленно передвигающимися телегами и останавливаются около Патриархии. Закрытые ворота (на них в день Пасхи 1822 г. турки повесили Патриарха Григория V, которого обвинили в сговоре с восставшими греками); вход в Патриархию справа и слева от этих ворот; мощный двор и цветник; слева Патриаршая Церковь в честь Св. Георгия Победоносца, справа — две параллельные каменные лестницы ведущие к двум домам, в которых живет Патриарх, находится управление Синода и канцелярия Патриархии. Дома заново отстроенные: всюду образцовая чистота. Нас проводят в покои Патриарха, и он сам встречает нас на пороге своего рабочего кабинета. Первое впечатление: царственного величия и ласковой простоты. Каждому он говорит по несколько слов (Патриарх хорошо говорит по-английски и по-французски), благодарит за то, что мы к нему приехали, но прием длится только четверть часа, потому что уже поздно, а мы должны еще добраться до Халки. Снова ныряющие по ухабам автомобили, густая толпа на пристани (пароходы местного сообщения стоят вдоль Галатского моста через Золотой Рог) и на быстросходном пароходике, на котором мы с трудом находим сво-

бодное место, наши друзья доставляют нас на остров Халки, или по-турецки Хейбелиада (Хейбели — седло; ада — остров): контуры острова напоминают седло). Принкипо — главный остров Архипелага называется сейчас Буюк-ада (большой остров); Антигони — Бургаз. Автомобили на островах запрещены. Нам подают старомодные фаэтоны, запряженные парой лошадей, которые и доставляют нас на вершину холма, где находится Халкинская богословская школа. «Богословское Училище Великой Христовой Церкви», которое было основано Патриархом Константином I в 1844 г., имеет славную историю. Не будучи центром богословской мысли (подобно некоторым факультетам и школам Запада), оно неизменно подготавливало кадры культурных пастырей, из среды которых вышло большинство иерархов ближнего Востока прошедшего столетия. Сейчас в школе 95 учеников (из которых приблизительно половину составляют студенты, а другую половину семинаристы гимназических классов) и значительный штат преподавателей. Все молодые профессора являются питомцами школы; но окончив ее, они дополнили свои знания работой в Университетах Запада и вернулись в свою *alma mater*, принеся с собой ученые традиции различных церквей и школ. Так Василий Анагностопулос (читающий патрологию) полон впечатлений Оксфорда, Василий Иставридис (сравнительное богословие) получил научную степень в Бостоне, архимандрит Максим Репанеллис (философия) — ученик Лувена, архидиакон Хризостом Константиnidис (догматика) — Римский доктор, проф. Каллиникос — работал в Берлине, проф. Фотиадис — в Варшаве. А старейший между ними — проф. Панайотидис — кандидат богословия Петербургской Духовной Академии.

Молодые ученые богословы составляют сплоченную и дружную группу. Различия во взглядах, в методах работы, в направлениях видимо не мешают их внутреннему единству. В частности за все время моего пребывания там я ни разу не слышал, чтобы кого-либо обвинили в «неправославии». Взаимные обвинения конечно есть, их никто не избежит; но обвинения в «неправославии» обычно свидетельствуют о недостатке доверия к духовной доброкачественности своего собрата; и этого я среди моих новых друзей не встречал. Другой симпатичной чертой этой молодой группы является уважение к старшим. Они понимают, что каждое поколение служит истине и науке теми дарами, которые ему современны, и что объективное развитие методов и обогащение предпосылок не отменяют исторических заслуг и достижений уходящих деятелей. Пример подобного отношения молодежи к старшим и уходящим явлен в проф. Панайотидисе. Он учился тогда, когда не было ни экуменического Движения, ни необходи-

мости считаться с философией томизма; поэтому многое, что волнует современную молодежь может в нем разбудить только благожелательность, но не активный интерес; но в трудные годы гражданской войны и социальной революции он на своих плечах нес работу всей школы. И теперь, когда его сменяют молодые работники, они трогательно заботятся не только о том, чтобы его знания и опыт не пропадали втуне, но и о том, чтобы уменьшение ответственности не создало у него впечатления, что он школе больше не нужен. И как в прежнее время они называют его «дидаскалос».

Общение с молодыми профессорами было для меня большой радостью. Труднее было общаться со студентами. Большинство из них не знают западных языков. Но те из них, с которыми мне удавалось говорить по-французски или по-английски оказались серьезными, вдумчивыми, интеллигентными и воспитанными молодыми людьми. Большею частью это греки: из Константинополя, с островов (с Крита, Кипра, Митилины, Корфу), из Александрии; несколько арабов Антиохийского Патриархата; довольно много эфиопов; два греческих американца.

Программа школы обширна; режим — суров. Последний находит себе объяснение во-первых, в общем консервативном строе греческой жизни; во-вторых — в том, что студенты не отделены от гимназистов и подчиняются правилам общим для всего интерната. Однако эти обстоятельства не оправдывают многих правил, которым они должны подчиняться: не могут выходить за ограду школы без особого письменного разрешения с указанием часа возвращения; в определенные часы не могут выходить даже в окружающий школу сад; в определенные часы могут ходить по дорожке холма вокруг ограды сада, отнюдь не спускаясь вниз; с 9 до 10 вечера могут сидеть только на террасе; всегда, даже в палящую жару должны быть в синих пиджаках, белых воротничках и суконных фуражках (летней формы у них нет); купаться в море разрешается только с 9 июля, хотя жара начинается в мае и т. п. Наши студенты немало всему этому дивились и в большей степени оценили наши Парижские «свободы».

Во главе училища стоит схоларх — митрополит Иконийский Иаков. Это еще молодой, строгий и к себе и к другим иерарх. Студенты его боятся, но его внешняя суровость не ограничивает его личной доброты: он заботится о студентах и лично помогает многим (о чем мало кто знает, кроме тех, кто ему обязан — возможностью ли поехать к родным во время каникул или чем-либо иным). Учебный день начинается утреней, которую студенты правят сами; клиросом по очереди заведуют дежурные, и через это послушание проходят все; благодаря этому правила типикона

усвоятся всеми не только теоретически, но и практически (нет «специалистов клироса»). Греческое унисонное пение нам было, конечно, непривычно, но мы все-таки могли понять и оценить его высокий класс и стиль; в этом греки — мастера. Но нельзя сказать того же об иконографии; рядом с редкими образцами древнего искусства — безвкуснейшие иконы подражающие барокко, «Palestine art» и т. п. В церквах встречаются даже литографированные иконы с поперечными пластинками: посмотришь справа — Распятие, слева — Божия Мать, прямо — Воскресение! (в церкви школы таких икон, конечно, нет; иконостас — хорош, но все же икон дурного письма и стиля много). А о догматическом значении иконы, о том, что она что-то говорит нашему церковному сознанию — никто даже не заикается...

Церковными службами студенты не перегружены; второй дневной службой является вечерня — в 5 ч. По воскресеньям утренняя, по греческому обычаю, непосредственно предшествует литургии (часов нет): служба поэтому продолжается очень долго — с 7 до 11 часов.

Весь день студента строго распределен на периоды занятий общих и индивидуальных, на время отдыха, сна и прогулки и т. п. В 10 ч. вечера школа спит.

К большим трудностям жизни на Халки относятся: отсутствие воды, летний зной и зимний холод. Остров не имеет источников (цистерны только в проекте), и воду привозят на пароходах с континента и развозят в больших бутылках на осликах... Жара действительно нестерпимая; ее умеряют ветерок, постоянно дующий с берега, и прекрасное турецкое мороженое, в изобилии и очень дешево продающееся во всех кафе. Но это — только для нас; студенты на берег с горы не спускаются, а сесть за стол и съесть «дондурму» не только запрещено, но прямо неприлично! Таковы предрассудки.

Окружающие виды — восхитительны; пейзаж острова очень напоминает юг Франции: те же бухты, те же пинии и даже то же «маки» (тот же горьковатый запах). Но Мраморное море меньше и мирнее Средиземного и цвет его всегда светло-голубой.

Из школы в одно окно виден Принкипо, в другое Антигони, в третье — Азиатский берег; вечером все это светится сотнями белых огней (на островах еще нет неоновых ламп). И не знаешь, что красивее; розовый восход, дымка полдневного жара, Тютчевский час «смещения сизых теней», багровый закат или сияющая небесными и земными огнями ночь...

А внутри здания школы нас радовали и умиляли ласточки: они летают по всем комнатам как у себя дома, выют гнезда на карнизах и на шкафах, спят усевшись на электрических прово-

дах, а главное все время проносятся над головой, едва не задевая вас крылом и безошибочно попадая в открытое окно; если же окно закрыто — поднимают невообразимый гам.

Во время нашего пребывания в школе шли экзамены. Они обставлены торжественно и формально. Так письменные работы пишутся на особой бумаге с печатью. Вследствие экзаменов студенты были очень заняты; но нам все-таки удалось прочитать им по две лекции, которые были прослушаны с большим вниманием. Владыка Кассиан читал (по-гречески) о методах православного изучения Нового Завета, А. В. Карташев (тоже по-гречески) об истории русской Церкви в XIX веке; я — о современных течениях в Западном Христианстве: о священниках-рабочих в Католицизме и о литургическом и монашеском движении в Протестантизме. Не зная греческого языка, я читал по-английски. А В. Истатридис переводил, причем слушатели утверждают, что он передал не только мысли и слова, но даже мои жесты.

Несколько раз посещал школу Патриарх. Никогда не забуду бесед с ним (он беседовал подолгу и со всеми вместе и с каждым в отдельности) — в саду, сидя на стульях перед низкой оградой сада, на которую ставилась тарелка с абрикосами (причем Патриарх говорил: вот этот возьмите, он хорош!) Так это было просто, уютно, ласково. В этих беседах для нас выяснилось какой это широкий, доброжелательный и смелый человек. Уже когда он входит в комнату кажется, что с ним врывается струя свежего воздуха. Он видимо болезненно переживает трудное положение Православия и мечтает о том, чтобы голос Церкви звучал с подобающей ей авторитетностью. Вот некоторые из его суждений, которые мне запомнились как характерные для его взглядов: мир не может жить без свободы; но мир не может жить и без России... Ни в коем случае Православная Церковь не должна уходить из экуменического Движения; но положение Православия в экуменизме совершенно неудовлетворительно... Греческая Церковь бесконечно обязана России и должна всемерно поддерживать и помогать всему, что несет в себе и служит идеалу Святой Руси (последние слова Патриарх произносит по-русски, задумчиво повторяя по несколько раз «Святая Русь, Святая Русь»). Его отношение к нам, к нашему Институту, ко всем нашим начинаниям глубоко трогательно и полно доверия. Но он мечтает о большем: это человек большой и смелой инициативы. Дай Бог, чтобы хоть часть того, что рисуется его умственному взору могло осуществиться...

Нам удалось познакомиться и с некоторыми членами Синода. Среди них — Митрополит Принкипонисский Дорофей — писатель и поэт, ценитель Китса и Рильке (которых он цитирует в

подлинниках), знаток музыки и пения, любитель цветов (по его инициативе вершина голого холма, на котором стоит школа, обращена в цветущий сад); митрополит Иаков Деркосский — благостный старец, живущий на Босфоре в местечке Терапия, большой знаток мусульманского мира; митрополит Фома Халкидонский...

Работа Синода проходит не без затруднений. Ни для кого не тайна, что Патриарх встречает там оппозицию, к которой, как это ни странно, принадлежат не старые архиереи, а молодые члены Синода...

Большинство архиереев говорит или по-французски или по-английски. Не могу не упомянуть с благодарным чувством об архигрಾಮатевсе архимандрите Иакове Папаиоанну, на долю которого выпала безконечная возня по нашему устройству и отправке домой (все эти формальности в Турции не просты). А в школе роль нашего Ангела Хранителя выполнял библиотекарь, носящий имя Ангела (!), и явивший нам образ подлинного ангельского служения и помощи.

Л. Зандер.

(Продолжение следует).

ПОЕЗДКА В ИНДИЮ

Самая южная провинция Индии, называемая Траванкор, является наиболее христианской частью этой огромной страны.

В течение 1953/54 академического года мне пришлось стоять во главе одного из колледжей Траванкора, только что открытого под покровительством Сиро-Яковитской Церкви в Южной Индии *).

Колледж находится в местечке, называемом Патанамтита, расположенном вдали от больших городов, в центре Траванкора. Сам колледж построен на вершине высокого холма, с которого открывается исключительный по красоте вид на далекие синие горы, ярко зеленые рисовые поля и густые заросли кокосовых

*) Сиро-Яковитская Церковь в Индии основана, по преданию, самим апостолом Фомой. В V-м веке она впала в Несторианство, а в 1653 году, по богословской необразованности своего клира, перешла под ведение Яковитского патриарха в Антиохии — монофизита! Существенных догматических различий между Православием и Сиро-Яковитской Церковью в настоящее время не существует. Присоединению к Православию Сиро-Яковитской Церкви в Индии — численность которой превышает 500.000 душ — препятствует главным образом бедственное положение православных Церквей. Прим. Ред.

пальм и других тропических деревьев. Среди этой богатой растительности разбросаны маленькие хижины крестьян, выстроенные из красной глины и покрытые пальмовыми листьями. Большинство студентов нашего колледжа сыновья и дочери окрестных поселен. Первые в их среде, они дошли до университетского образования.

Каждое утро в 10 час. толпа веселой молодежи заполняла лекционные залы и лаборатории колледжа. Из 520 студентов 80 были девушки. Все студенты ходят босиком, не расставаясь с черными зонтиками и носят красивую белую одежду. Они принадлежат к разным кастам и среди них есть христиане, индусы и мусульмане, но большинство как преподавателей так и учащихся члены Сиро-Яковитской Церкви.

Все преподавание ведется по-английски, причем многие из студентов очень плохо знают этот язык. Они остаются в стенах колледжа до 4 часов, а потом возвращаются пешком или на автобусах в свои незатейливые жилища, то палимые жгучим тропическим солнцем, то поливаемые потоками мансунского ливня.

Попав в Патанамтити прямо из Оксфорда я очутился в новом для меня мире, но мне вскоре удалось найти ключ, который открыл мне дверь к пониманию его и этим ключом было Православие.

Как ни отличны были преподаватели и студенты от меня, мы принадлежали к той же самой церковной традиции и потому между нами установилось подлинное взаимное доверие. Я научился любить и ценить «православных» индийцев и разбираться в особых трудностях их положения. В течение всей своей долгой и нелегкой истории они оставались меньшинством среди торжествующего язычества и это наложило особый отпечаток на их психологию. Хотя они и являются древнейшей христианской общиной Индии, но они до сих пор рассматриваются индусами, как носители чуждой религии для их страны. Руководители современной Индии ревниво оберегая свою недавно полученную независимость, особенно подчеркивают тот факт, что индуизм был всегда главным связующим звеном всех населяющих ее разнообразных народов и эта пропаганда неблагоприятно отражается на положении христианского меньшинства.

С самого начала моего пребывания в Индии я понял, что я должен отказаться от привычных установок и искать новых путей подхода к индийской молодежи. Первая черта поразившая меня у Траванкорских студентов, было их отталкивание от теорий и предположений. Английские студенты заражены скепсисом. Они любят сравнивать мнения одного профессора с другими, и в случае их несогласия с особым интересом обсуждают возникшие

столкновения. Индийские студенты ожидают от профессора не гипотез, а точных и исчерпывающих ответов на все вопросы. Каждый раз когда я указывал им на два или три возможных решения вопроса, они всегда настаивали чтобы я объявил им, который из них единственно правильный.

Подобное же признание авторитета старших я нашел в их выборе своей профессии. Часто я слышал от них ответ «мое будущее в руках Божиих и моих наставников». Они все жили в патриархальной атмосфере, где старший в роде решал судьбы младших, выбирал для них женихов и невест и намечал для них профессии. Однако этот традиционный строй Индии уже начинает подвергаться ломке, даже в такой нетронутой Западом сельской местности, где находится колледж.

Одной из таких революционных перемен было преодоление кастовых перегородок в среде студенчества. Молодые Брамины учились и играли вместе с сыновьями париев; христиане, индусы и магометане дружили друг с другом. Зато непреодолимая черта все еще отделяла студенток от студентов. Они сидели на отдельных скамейках и никогда не разговаривали между собою. Меня поражала дисциплина этой молодежи. Им конечно очень хотелось вступить в разговор с теми, с кем они проводили целые дни в тех же классах; наверное многие из них были увлечены друг другом, но ни в стенах колледжа, ни по дороге на лекции я никогда не видел их беседующими друг с другом. Этот запрет был вызван сложностью брака в Индии. Только лица принадлежащие к той же касте могут вступать в супружество, а так как колледж включал молодежь самого различного происхождения, то родители настаивали на строгом разделении девиц от юношей.

Идеализм и желание послужить обездоленным были широко распространены среди как христиан, так и язычников. Пример Ганди был у всех на устах, но несмотря на эти великодушные порывы, студенты больше всего боялись потерять свое социальное привилегированное положение путем участия в физическом труде. Одним из характерных проявлений подобного страха был отказ студентов переставлять скамейки в зале для их же собственных собраний. Они считали, что эта работа пригодна лишь для «кули», и хотя я знал, что многие из них не разделяли этого мнения, но и они подчинялись решению большинства из-за боязни насмешек.

Вообще отсутствие самостоятельной мысли, привычка следовать за толпой, отказ от личной ответственности были несомненно их самой большой слабостью, но несмотря на эти недостатки их было легко любить и вдохновительно учить. Это была живая отзывчивая на все доброе молодежь, жаждущая применить на

пользу других свои силы, добродушная и способная радоваться по поводу самых незначительных удовольствий. Среди яковитов я встретил ряд глубоко верующих юношей и девушек, которые хотели отдать свою жизнь на служение Церкви.

Я часто задавал себе вопрос, что ожидает эту молодежь по окончании университета, что дадут они Индии, когда встанут в ряды ее новой интеллигенции. Индия перестала быть страной, закованной в древние предания. Народ сдвинулся с его вековых устоев и начинает искать новых путей жизни. Привычные верования сталкиваются в его душе с проповедью безбожия и коммунизма, паломники едут в идольские капища на автобусах и громкоговорители возвещают начало языческих торжеств. Современные водители Индии хотят построить демократическую республику, с всеобщим образованием и с социальной обеспеченностью, на основе обновленного индуизма с его верой в карму, перевоплощение душ и с его убеждением, что парии должны нести наказания за грехи совершенные ими в предыдущей жизни. Они надеются, что плоды христианской культуры смогут привиться к стволу язычества и потому громко провозглашают, что христианство, индуизм и ислам ничем существенно не отличаются друг от друга. В Индии делаются попытки создать синкретическую религию, и на этом основании всякое преподавание христианства изгнано из университета и школ. Сторонники синкретизма указывают, что изучение христианства при современных условиях может привести к обострению религиозной борьбы и к укреплению фанатизма среди молодежи. Мое знакомство со студентами Траванкора не подтверждает подобных опасений. Не фанатизм и смешение всех понятий, связанных с религией, является их основным недостатком. Университетское образование не помогает оформлению их мировоззрения и они вступают в жизнь без твердых устоев, не зная во что они верят, и потом оказываются неспособными вести за собою других людей.

Мне представляется, что прямолинейное отрицание Индуизма, как темного язычества не соответствует действительности, но еще менее возможно отождествление его с христианством, к чему призывают студенчество столь многие из руководителей современной Индии.

Задача, стоящая перед образованными индийцами, состоит в изучении обеих религий, в их сравнении друг с другом и в выборе одной из них, как обладающей истинным знанием о Боге и человеке.

Одним из самых значительных препятствий к серьезному ознакомлению с христианством и является иностранное происхождение большинства вероисповеданий известных в Индии. Церковь

пришла в эту восточную страну в чуждой западной одежде. Римокатолики, англикане, шотландские пресвитериане, шведские лютеране, американские методисты и другие миссионеры принесли народам Индии Евангельское благовестие, окрашенное особенностями их национальной культуры. Было время, когда престиж Запада стоял так высоко, что индийцы были готовы, становясь христианами, отречься от всех своих обычаев и даже менять свои фамилии в подражание европейцам. Это время не возвратно прошло, и теперь те индусы, которые обрели веру в Иисуса Христа, хотят сохранить свой язык и свою культуру в лоне единой Церкви.

Является ли христианство всемирной или только западной религией, вот тот вопрос, который постоянно задается сейчас в Индии, и Сиро-Яковитская Церковь Траванкора одна может дать на него правильный ответ.

Она есть не только первоначальная Церковь Индии, но также и единственная, среди других вероисповеданий, которая глубоко вросла своими корнями в родную почву и в то же время она сумела сохранить, почти неповрежденной, свою веру в Спасителя мира. Казалось бы, что эта Церковь должна была бы занимать руководящую роль в жизни Индийских христиан, но в действительности она до сих пор почти неизвестна за пределами Траванкора.

Мне, пришельцу из далекой Англии, приходилось неоднократно объяснять членам западных вероисповеданий Индии особенности восточного подхода к христианству. Большинство из моих слушателей горячо отзывались на эти лекции, признаваясь, что Восточная традиция ближе им, чем Западная. Вместе с тем они выражали удивление, что они ничего раньше не знали о Православии. Объяснение этого странного явления заключается в особенности положения Сиро-Яковитских христиан в Траванкоре. Не только все их окружающие, но и они сами привыкли рассматривать свою Церковь, как личное достояние отдельных Траванкорских семейств. Они обратили свою Церковь в религию небольшой общины, глухо замкнутой для внешнего мира и не чувствующей своей ответственности за судьбы христианства в других частях Индии.

Сиро-Яковиты не вели миссионерской работы, они не пытались обращать язычников в истинную веру, и потому большинство христиан современной Индии принадлежит к западным вероисповеданиям во многом столь чуждым их духовному облику.

Дальнейшее распространение христианства в Индии не возможно без тесного сотрудничества между ее христианами, принадлежащими как к Восточной так и к Западной традиции. Они обладают различными дарами и страдают от разных недостатков,

поэтому они нуждаются во взаимной помощи и поддержке. Эта работа для примирения ложится главным образом на плечи студенчества. Оно обладает наибольшей подвижностью, знает английский язык, который один лишь служит звеном между разноразличными народами Индии, а главное, разбирается в общем положении страны. Христианское Студенческое Движение в Индии собирает на свои съезды молодежь разных вероисповеданий, но оно не приступило еще к ответственной задаче подготовить встречу между Восточными и Западными христианами. Содружество Св. Албания и преп. Сергия, которое ведет подобную работу в Европе, начало недавно свою деятельность и в Индии и оно может облегчить взаимное ознакомление между ними.

Предварительным условием для этого является выход Сиро-Яковитов из той замкнутости, в которой их Церковь пребывает до сих пор. Решительным шагом в этом направлении будет восстановление общения между Сиро-Яковитами и Православной Церковью. Только войдя в семью Православных Церквей смогут они обрести уверенность в себе и освободиться от тех пут, в которых они пребывали в течение столь многих столетий.

Работа по подготовке подобного объединения сестер Церквей уже началась, но для ее успешного продвижения требуется более широкое знакомство друг с другом. Хочется верить, что все возрастающее число Сиро-Яковитских студентов из Индии будет получать свое образование в центрах Православия как в Европе, так и в Америке, а вместе с тем Православные из Запада последуют нашему примеру и пойдут работать в Траванкор.

Индия стоит сейчас на распутье. Различные христианские вероисповедания, обновленный индуизм, коммунизм и воинствующий национализм, — все стараются привлечь к себе ее проснувшиеся массы. В данный момент страна находится в ожидании, но этот период нерешительности не может длиться долго и судьбы этого великого народа должны решиться в ближайшие годы.

На Сиро-Яковитской молодежи Индии лежит особая ответственность; если им удастся вывести свою Церковь из узкого провинциализма на вселенские пути, то возможно, что проповедь христианства найдет новый отклик в сердцах, ищущего вечной истины, Индийского населения.

Мы покинули Индию с чувством, что ее насельники живут накануне больших событий и от выбора ими нового направления не только изменится весь их облик, но и пути развития всех окружающих их народов.

Азия была в течение последних веков ареной борьбы западных государств, возможно что в близком будущем Европа будет зависеть от решений принятых водителями Азиатского материка.

Н. Зернов.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

SAINT SERGIUS IN PARIS. The Orthodox Theological Institute, by Donald A. Lowrie. London, SPCK, 1954. Pp; 119.

Эта небольшая, изящно изданная, книга посвящена истории возникновения и деятельности Православного Богословского Института — Свято Сергиевской Духовной Академии.

Она написана человеком, который не только близко знает наш Институт, но и живет его жизнью и интересами. К этой истории Богословского Института можно было бы написать послесловие о том, чем Институт обязан автору — Дональду Ивановичу Лаури. Отметим основные черты этой книги.

Во-первых, это настоящее историческое исследование, в котором находят себе место все, даже второстепенные, факты двадцатипятилетней жизни Института. Читая эту книгу, с резнивым чувством участника всей этой жизни, которому дороги многие незаметные детали, мы не нашли ничего незамеченного и пропущенного; в этом отношении документировка автора возбуждает не только наше восхищение, но и удивление.

Во-вторых, надо отметить литературность изложения. То, что могло бы быть сухим отчетом, читается, как роман. Мы переживаем и первые, — полные объективной неуверенности и личной веры, — шаги основателей Института; и время его цветения; и трудные годы, когда лампада Преп. Сергия едва не была затухлена вихрем войны; и восстановление работы в новых послевоенных условиях.... За этими историческими главами следуют страницы, посвященные «отцам основателям», почетным посетителям, материальной стороне жизни Института и его значения для Православия, России и всего Христианства. Весь этот разнообразный, а подчас и сухой, материал изложен в живой, литературной и талантливой форме. Книга читается с неослабным интересом. Но наиболее ценной ее чертой является та любовь автора к Православию, которая согревает все страницы. Говорит ли он о соборе 1917 г. или о прошлом Митрополита Евлогия и о. Сергия Булгакова, о богословском творчестве профессоров, или о росписи храма Д. С. Стелецким, об участии членов Института в экуменических съездах или о поездках студенческого хора по протестантским приходам Зап. Европы. — повсюду мы ощущаем эту любовь, которая не только ценит и знает Православие, как веру великого народа, но любит его и живет им, как явлением Вселенской Истины.

К тексту книги приложены библиография трудов профессоров Института (указаны только книги) и алфавитный указатель имен. Прекрасные фотографии храма Сергиевского Подворья, работы В. П. Субботина (общий вид, живопись абсиды, левый придел, царские врата) и воспроизведение старой открытки, изображающей холм Преп. Сергия, каким он был во время строителя храма, Пастора Бодельшвинга, украшают эту прекрасно изданную книгу.

Л. Зандер.

Н. ФЕДОРОВА. «Семья». Издательство имени Чехова. 350 стр. Нью-Йорк. 1952.

Книга Нины Федоровой «Семья», известна во многих странах, будучи переведенной на двенадцать языков, и, кто еще не прочел ее, теряет очень много.

Легкое, добродушно-ироническое начало этой книги, с первых же строк располагает читателя к этому мирному повествованию.

Обычно, только сверхъестественные приключения или сверхчеловеческие переживания считаются достойными описания, и редко-редко встретишь книгу, которая судьбами своих героев дала бы понять, что «подвиг есть и в серых, скучных днях, в обыденных презренных мелочах».

Жизнь «Семьи» именно такова: неопределенное финансовое положение, ухищрения обходиться без необходимого, вечная нужда, лишения, постоянно оскорбляемая гордость — и над всем этим какая-то естественная, без надрыва и без унижения, покорность Судьбе.

Замечательно в этой книге то, что каждый член этой семьи имеет свою индивидуальность, черты, присущие только ему одному, и в то же время все скомпоновано в исключительно-гармоничную картину, которой нет другого названия, кроме слова «Семья».

Образ бабушки, для которой «жизнь была уже разрешенной философской проблемой», овеян ореолом мудрости, человеколюбия и сострадания. Ее скромный портрет, хрупкий и благоуханный, как пучок богородичной травки, так же незабываем, как и портрет другой бабушки — в «Обрыве» Гончарова. Покорность воле Божьей, нелицемерная любовь к Церкви, радостное упование на милость Божию, искренняя любовь к ближнему наполняют ее духовную жизнь, которой не будет конца и после того, как в ее холодеющих руках погасла восковая свеча, «и это пламя и бабушкина жизнь ушли куда-то вместе»...

Обиды, понесенные матерью в жизни (пусть порою с чисто-женским ропотом и горькими слезами) прощаются рано или поздно, и описано это искусно, без малейшего оплакивания участи эмигранта, так просто и человечно, что, читая о жизни матери, состоящей сплошь из серых будней, проникаешься участием, и, сопоставляя собственную жизнь, невольно примиряешься и со своими бесчисленными буднями.

Молодое поколение представлено Петей, Лидой и Димой.

Лида — романтическая русская девушка, для которой красота и поэзия жизни не меркнут ни в нужде, ни в войне, ни в разлуке с любимым человеком. Это так свойственно молодости! Кто провел свои юные годы в бомбардировках, голоде и холоде войны, вспомнит, однако, что были и счастливые мгновенья, полные романтики, обаяния, радости и восторженного упоения жизнью!

В жизнь Семьи вплетаются судьбы и чужих людей; но все живут под одним кровом, всяк по-своему разрешают насущные проблемы, невольно затрагивая жизнь Семьи. Во всей этой много-национальной «колонии» автором не отдается предпочтение какой либо одной национальности — радости и горе, здоровье и болезни, негодование и любовь, идеалы и страстишки — общечеловечны.

Такое беспристрастие и справедливость присущи писателю только тогда, когда его рукой ведет не заблуждающийся в лабиринтах жизни разум, а чистое сердце, исполненное любви к человеку.

Книга написана легким языком, непринужденно изобилуя прекрасным юмором, без сарказма и вычурной иронии, которыми так модно украшать эмигрантскую литературу. Одновременно (например, в описании Игуменни) совершенно отсутствуют елейность и слащавость.

«Часто требуются обширные знания, чтобы понять невежество, и глубокая мудрость всегда имеет, что то общее с детской наивностью».

Эта вскользь упомянутая автором фраза и является разгадкой колоссального успеха книги «Семья» и дарования ее автора.

К. М.

ХРОНИКА

СЪЕЗД Р.С.Х.Д. В САН-ФРАНЦИСКО.

Недалеко от города Сан-Франциско, в лесу расположена Св. Евгеньевская пустынька. Маленькая церковь, келья о. игумена и вокруг небольшое расчищенное место, — цветы, дорожка, ульи с жужжащими пчелами, крошечный домик, столы со скамейками, — все это среди нетронутого человеком леса...

Здесь 4-го — 6-го сентября состоялся съезд, организованный отделом Р.С.Х.Д. в Сан-Франциско; главным организатором и вдохновителем был прот. Г. Бенигсен.

Общая тема съезда: «Как быть христианином». Первый доклад был прочитан проф. Г. К. Гинсом «Церковь и война». Доклад был очень живой и вызвал оживленный обмен мнений. В нем была и история и современность. В тот-же день состоялся семинар под руководством о. Д. Гизетти (из г. Портланда) на тему: «Почему я должен быть православным». В воскресенье утром за литургией почти все участники съезда приобщились Св. Тайн. После завтрака И. К. Кузнецовым (из Монтерей) был прочитан с большим подъемом и вдохновением доклад на тему: «Христианство в прошлом России».

В тот-же день Д. Д. Григорьев (из Монтерей) и преподав. Богословского Института в Париже Б. Бобринский сделали подробный доклад об Эванстонской конференции. Оба доклада были чрезвычайно интересны и дали слушателям возможность почувствовать настроения всех христиан, устремленных к единству во Христе, а так же особую миссию православия в инославном мире.

Прот. Г. Бенигсен прочел доклад на тему съезда: «Как быть христианином», в котором он яркими и убедительными словами раскрывал сущность христианства.

На съезд прибыл Владыка Иоанн Сан-Франциский и привез с собой редкий экземпляр Острожской библии, напечатанный первопечатником Иоанном Федоровым в XVI в. В этот же день состоялся доклад о. Игумена Димитрия «Евангелие в жизни». Это был, как бы напутственный доклад нам, возвращавшимся в обычную суету жизни, напоминавший, что всегда и всюду можно быть христианином. Затем проф. Г. К. Гинс провел семинар с участием Владыки Иоанна на тему: «Государство без Бога».

Дружной и братской атмосфере съезда много способствовали хозяйки и все технические работники, работавшие с большим самоотвержением. Дай Бог, чтобы этот съезд послужил толчком к новой работе Р.С.Х.Д. на Западном побережье Америки.

М. Г.

КОНЧИНА JOHN FORRESTER-PATON.

В Эванстоне, во время только что прошедшей сессии Мирового Совета Церквей, скончался John Forrester-Paton, председатель Мирового Объединения Христианских Союзов Молодых Людей: родом шотландец, член и руководитель части протестантской церкви, John Forrester-Paton

